

ИСТОРИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ О.Р.Т.З.

# ВОЙНА КУЛЬТУРА

15 *Supl.*

## АНГЛІЯ И ГЕРМАНІЯ.

В.П.ВОЛГИНЪ.



ИЗДАНИЕ И ПЕЧАТЬ ТВА И.Н.КУШНЕРЕВЪ И К<sup>о</sup>

МОСКВА-1917.

---

# „Война и Культура“.

Серія брошюръ, издаваемая

ИСТОРИЧЕСКОЙ КОМИССІЕЙ ПРИ УЧ. ОТД. О. Р. Т. З.

Серія ставитъ своей задачей дать широкимъ массамъ рядъ недорогихъ и доступныхъ по языку и содержанию книжекъ, въ которыхъ можно было бы найти отклики на всѣ событія текущаго момента.

---

## ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ:

- |  |   |
|--|---|
| 1. Политическій строй<br>Германіи.         | 9. Польша и польскій во-<br>просъ.              |
| 2. Политическій строй<br>Франціи и Англіи. | 10. Поляки подъ герман-<br>скимъ владычествомъ. |
| 3. Красный Крестъ.                         | 11. Галиція.                                    |
| 4. Россія и Турція.                        | 12. Румынія.                                    |
| 5. Отмѣна капитуляцій въ<br>Турціи.        | 13. Борьба за колоніи.                          |
| 6. Голландія.                              | 14. Что такое междунаро-<br>дное право?         |
| 7. Англія.                                 | 15. Англія и Германія.                          |
| 8. Англія наканунѣ войны.                  | 16. Имперія Франца-Іосифа.                      |

---

ИЗДАТЕЛЬСТВО Т-ВА И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К<sup>о</sup>. МОСКВА,  
ПИМЕНОВСКАЯ, С. Д.



# Англія и Германія.

## I.

Въ началѣ войны много говорили и писали о томъ, какое громадное значеніе имѣеть для Россіи и для Франціи, что на ихъ сторонѣ, противъ Германіи и Австріи, сражается Англія. Вмѣшательства Англіи съ нетерпѣніемъ ждали въ Парижѣ и въ Петроградѣ, а въ Берлинѣ извѣстіе объ ультиматумѣ Англіи вызвало взрывъ ярости. И это вполне понятно. Такая оцѣнка участія Англіи въ войнѣ вполне основательна. Важна, конечно, не та армія, какую Англія можетъ послать на помощь Франціи, — важенъ англійскій флотъ. Англійская армія имѣеть тоже свое значеніе, но оно ужъ не такъ велико, потому что въ Англіи нѣтъ всеобщей воинской повинности, и ея постоянная армія очень мала по сравненію съ арміями другихъ европейскихъ государствъ. Правда, сейчасъ въ англійской арміи больше милліона солдатъ; но они набраны по большей части уже во время войны и сейчасъ еще обучаются. Что касается флота, то вѣдь Англія до сихъ поръ еще самая сильная морская держава на земномъ шарѣ. Ея флотъ составляютъ 66 броненосцевъ, 118 крейсеровъ и больше 400 мелкихъ боевыхъ судовъ. Этотъ флотъ сильнѣе двухъ самыхъ большихъ флотовъ другихъ государствъ, вмѣстѣ взя-

тыхъ. Онъ, значить, сильнѣе флотовъ Германіи и Франціи вмѣстѣ; онъ сильнѣе флотовъ Германіи и Японіи.

Но можно спросить: да какое же значеніе имѣетъ флотъ въ этой войнѣ? Вѣдь Франція и Германія, Германія и Россія граничатъ другъ съ другомъ на сушѣ. Здѣсь, на сухопутныхъ границахъ, идутъ военныя дѣйствія. Здѣсь, на сушѣ, подъ Берлиномъ, подъ Парижемъ, подъ Вѣной, подъ Варшавой, будетъ окончательно рѣшена судьба войны. О большихъ морскихъ сраженіяхъ пока вѣдь ничего даже и не слышно. Какой смыслъ въ томъ, что нѣмецкій крейсеръ захватитъ нѣсколько англійскихъ торговыхъ пароходовъ, а англійскій—нѣсколько нѣмецкихъ, что нѣмецкая подводная лодка потопитъ англійское судно, а англійская лодка—нѣмецкое? Было бы гораздо существеннѣе, если бы Англія смогла выставить уже сейчасъ не 150—200 тысячъ солдатъ, какъ она выставила въ началѣ войны, а  $1\frac{1}{2}$ —2 милліона.

Словъ нѣтъ, это было бы для Россіи и для Франціи большой помощью. Но въ дѣйствительности незамѣтная съ виду помощь англійскаго флота гораздо существеннѣй. Въ дѣйствительности безъ этой помощи вся картина войны была бы иною; и она измѣнилась бы, конечно, не къ выгодѣ союзниковъ. Представимъ себѣ въ самомъ дѣлѣ, что Англія не вмѣшалась въ войну, что англійскій флотъ занятъ только охраной отъ случайностей войны своей торговли. Какъ отразилось бы это на ходѣ военныхъ дѣйствій? Надо вѣдь помнить, что у Германіи тоже имѣется флотъ, и притомъ очень сильный, много уступающій англійскому, но не уступающій ни французскому, ни русскому. Что было бы, если бы этотъ флотъ имѣлъ свободу, если бы ему не мѣшало выходить въ открытое море флотъ англійскій? Разумѣется, у француз-



скихъ береговъ было бы далеко не такъ спокойно, какъ сейчасъ, французское побережье было бы подъ постоянной угрозой нѣмецкаго нападенія. Конечно, еще большой вопросъ, удалось ли бы нѣмцамъ даже при такихъ условіяхъ высадить тамъ сколько-нибудь значительныя силы. Но во всякомъ случаѣ Франціи пришлось бы для отраженія возможнаго нападенія отвлечь часть войскъ, чтобы защищать побережье, и тѣмъ ослабить свои силы тамъ, гдѣ онѣ всего нужнѣе, гдѣ, дѣйствительно, рѣшается судьба войны. Въ такомъ же положеніи могла бы оказаться и Россія на берегахъ Балтійскаго моря.

Господство на морѣ англійскаго флота заставляетъ германскій флотъ держаться въ гаваняхъ и обезпечиваетъ, такимъ образомъ, безопасность Россіи и Франціи со стороны ихъ морскихъ границъ. Но этого мало: англійскій флотъ оказываетъ союзникамъ еще одну, и значительно бѣльшую, услугу. На войнѣ имѣютъ значеніе не только арміи, то или иное отношеніе ихъ силъ, то или иное ихъ расположеніе. Чтобы армія представляла собою дѣйствительную силу, чтобы съ нею былъ вынужденъ считаться противникъ, она должна быть снабжена всѣмъ необходимымъ, начиная отъ хлѣба и одежды и кончая порохомъ и боевыми снарядами. Для успѣха войны нужно, чтобы и внутри страны все шло, какъ слѣдуетъ, чтобы продолжалась правильно ея обыкновенная, не военная, а хозяйственная жизнь. Страна, хозяйство которой разорено, не можетъ вести войны. И вотъ участіе Англіи въ войнѣ не только мѣшаетъ Германіи вести войну на морѣ, но и разоряетъ германское хозяйство.

Германская промышленность давно уже работаетъ не на одну только Германію, а на весь міръ. Германскіе товары продаются и у насъ, въ Россіи, въ боль-

шомъ количествѣ, и въ Китаѣ, и въ Америкѣ, и даже въ Англіи. Само собою разумѣется, что остановка этой внѣшней торговли должна самымъ пагубнымъ образомъ подѣйствовать на промышленность. Продать все, что вывозилось за границу, у себя на родинѣ, конечно, невозможно. Приходится, значить, сокращать производство, цѣлый рядъ фабрикъ закрывается, сотни тысячъ рабочихъ остаются безъ работы. Начинаются бѣдствія голода для этихъ рабочихъ и для ихъ семей, сокращается торговля тѣмъ, что эти семьи покупали, а это опять-таки вызываетъ сокращеніе другихъ производствъ, которыя вырабатывали предметы потребленія рабочаго класса, и т. д., и т. д. Это съ одной стороны. А съ другой—прекращеніе внѣшней торговли вызываетъ прекращеніе подвоза нужныхъ для промышленности сырыхъ матеріаловъ. Такъ, въ Германіи, напимѣръ, нѣтъ хлопка, и безъ подвоза хлопка остается безъ дѣлъ такая громадная отрасль промышленности, какъ хлопчатобумажное производство.

Если бы Англія не вмѣшалась въ войну, германскій флотъ смогъ бы, вѣроятно, охранить свою внѣшнюю торговлю отъ нападеній французскаго флота. Конечно, и вывозъ и ввозъ, вѣроятно, сократились бы, германское хозяйство, какъ всегда во время войнъ, понесло бы извѣстный ущербъ, но ущербъ далеко не столь серьезный, какъ она несетъ сейчасъ благодаря господству на океанахъ флота Великобританіи. И тогда Германія лишилась бы сбыта въ Россію, Францію; но сбытъ въ Англію и въ заокеанскія страны въ значительной степени сохранился бы въ ея рукахъ. О томъ, насколько серьезно сейчасъ экономическое положеніе Германіи, трудно судить изъ Россіи, потому что до насъ почти не доходятъ нѣмецкія



газеты. Да и нѣмецкія газеты, вѣроятно, по понятнымъ причинамъ изображаютъ дѣло не совсѣмъ такъ, какъ оно есть въ дѣйствительности. Но вотъ любопытный фактъ, о которомъ сообщила одна русская газета. Въ виду переживаемаго Германіей въ связи съ войной кризиса, въ Германіи учрежденъ особый военный промышленный совѣтъ. Этотъ совѣтъ по имѣющимся у него свѣдѣніямъ опредѣляетъ, на какіе продукты имѣется спросъ. На изготовленіе ихъ онъ направляетъ свободныя рабочія руки и свободныя капиталы; съ другой стороны, онъ указываетъ, какія отрасли производства должны въ виду военного времени сократиться. Такимъ образомъ, война заставила нѣмецкихъ предпринимателей отказаться отъ права свободно распоряжаться въ своихъ предпріятіяхъ, заставила подчинить всю промышленность государственному надзору и направленію. Извѣстно, какъ цѣпко держатся всегда предприниматели за свободу своего производства. И то, что германскіе промышленники пошли на ограниченіе своей свободы, доказываетъ, что кризисъ, вызванный войной, достигъ небывалыхъ размѣровъ.

Такимъ образомъ, громадное значеніе вмѣшательства Англіи въ войну несомнѣнно. Не даромъ, стало быть, въ началѣ войны всѣ съ такимъ трепетомъ ждали рѣшенія Англіи. Что же заставило Англію вмѣшаться? Въ чемъ причина ея выступленія? Вѣдь, казалось бы, споръ европейскихъ державъ начался изъ-за такого вопроса, который не представлялъ для Англіи никакого интереса. Дѣйствительно, какое дѣло Англіи до Сербіи и ея независимости? Самъ англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ Эдуардъ Грей уже во второй половинѣ іюля, т.-е. тогда, когда войны изъ-за Сербіи ждали съ минуты на минуту, рѣши-

тельно заявилъ: «Англія не можетъ и не будетъ воевать изъ-за Сербіи!» А черезъ недѣлю—двѣ Англія уже объявила войну.

О томъ, что въ концѣ-концовъ толкнуло Англію въ войну, въ газетахъ писали очень и очень много. Дѣло было такъ. Россія объявила мобилизацію, чтобы защитить Сербію отъ нападенія Австріи. Германія потребовала отъ Россіи прекращенія мобилизаціи и, не получивъ отвѣта, 19-го іюля объявила Россіи войну. Не было уже и раньше никакого сомнѣнія, что въ случаѣ русско-германской войны неизбежна также война франко-германская. Франція должна была принять участіе въ войнѣ и въ силу своихъ обязательствъ (какъ союзница Россіи), и изъ желанія нанести ударъ Германіи, отнявшей 40 лѣтъ тому назадъ кусокъ французской земли и давно уже съ жадностью глядящей на богатые французскія владѣнія за моремъ. Что борьба между Германіей и Франціей затрогивала интересы Англіи гораздо больше, чѣмъ война между Германіей и Россіей, это безспорно. Разгромъ Франціи означалъ бы непомѣрное усиленіе Германіи и въ Европѣ, и особенно въ заморскихъ владѣніяхъ. Онъ нарушилъ бы равновѣсіе силъ въ Европѣ въ пользу Германіи, сдѣлалъ бы Германію слишкомъ могущественной,— настолько могущественной, что она могла бы уже прямо грозить самому существованію обширной заморской имперіи англичанъ. вмѣстѣ съ тѣмъ военныя дѣйствія между Германіей и Франціей велись бы, конечно, не только на сушѣ, но и на морѣ, т.-е. у самыхъ береговъ Англіи. Вѣдь сѣверное побережье Франціи только узкимъ проливомъ отдѣлено отъ юго-восточнаго берега Англіи. Это нанесло бы Англіи и ея торговлѣ громаднѣйшій ущербъ, и Англія была готова поэтому, въ случаѣ появленія германскаго флота



та у французскихъ береговъ, оказать помощь Франціи; она даже дала въ этомъ обѣщаніе.

Это обѣщаніе еще не означало вмѣшательства въ войну. Вѣдь Германія, зная, какъ боится Англія морской войны близъ своихъ береговъ, могла бы отъ нея воздержаться, чтобы сохранить только дружбу Англіи въ этотъ трудный моментъ. Поводомъ для вмѣшательства послужили не французскія дѣла, а бельгійскія. Дѣло въ томъ, что часть французскихъ земель непосредственно примыкаетъ къ Германіи, часть отдѣлена отъ нея Бельгіей. На германской границѣ Франція выстроила рядъ очень сильныхъ крѣпостей: Верденъ, Туль, Эпиналь, Бельфоръ. Овладѣть этими крѣпостями и пробиться внутрь страны въ этомъ мѣстѣ—это потребовало бы отъ германской арміи много времени и усилій. Между тѣмъ на бельгійской границѣ у французовъ была только одна, притомъ болѣе слабая, крѣпость—Мобежъ. Французы не строили здѣсь крѣпостей, зная, что маленькая и мирная Бельгія никогда не пойдетъ на Францію; они надѣялись также, что Германія будетъ соблюдать обязательство не трогать въ случаѣ войны беззащитныхъ бельгійскихъ земель. Это обязательство было подписано всѣми большими государствами, въ томъ числѣ и Германіей. Однако, для Германіи соблюдать его показалось невыгоднымъ. Вѣдь ей приходилось вести войну на два фронта—съ Франціей и съ Россіей. Выиграть войну можно было только при чрезвычайной быстротѣ дѣйствій. Быстро бросить всѣ силы на Францію и разгромить ее до окончанія мобилизаціи въ Россіи, чтобы къ тому времени, когда Россія будетъ готова, можно было перекинуть всю германскую армію на русскую границу,—таковъ былъ военный планъ, выработанный прусскимъ генеральнымъ шта-

бомъ. Для выполненія этого плана нужно было выбрать такой путь во Францію, который сулитъ наибольшее легкую побѣду. А этотъ путь—путь черезъ Бельгію. Понятно, что Германія на немъ и остановилась.

Расчетъ герм. генер. штаба оказался совершенно невѣрнымъ. Онъ разсчиталъ все, но не учелъ того, что вторженіе въ Бельгію вызоветъ уже обязательно войну съ Англіей. Между тѣмъ догадаться объ этомъ было вовсе не такъ трудно. Англія всегда очень ревниво слѣдила за тѣмъ, что происходитъ въ Бельгіи и Голландіи. Англія лежитъ на островѣ, но островъ этотъ находится очень близко отъ Европейскаго материка, и какъ разъ по другую сторону отдѣляющаго его пролива, такъ сказать, напротивъ Англіи, лежатъ Бельгія и Голландія. Бельгія и Голландія—слабыя и маленькія государства, они не представляютъ для Англіи никакой опасности. Но Англія не можетъ допустить, чтобы на этомъ берегу утвердилось большое и сильное государство, на примѣръ, Франція или Германія. Такое государство, расположившись какъ разъ противъ устья Темзы, — рѣки, на которой стоитъ столица Англіи, Лондонъ, — представляло бы для Англіи постоянную угрозу. Еще Наполеонъ называлъ одинъ изъ бельгійскихъ портовыхъ городовъ, Антверпенъ, пистолетомъ, направленнымъ въ грудь Англіи. И недавно, когда Антверпенъ былъ взятъ германской арміей, это вызвало на первыхъ порахъ почти панику въ Лондонѣ. Лондонскимъ жителямъ уже мерещились германскіе воздушные корабли надъ Лондономъ, германскія подводныя лодки въ мутныхъ водахъ Темзы. Потомъ лондонцы понемногу оправились отъ перваго впечатлѣнія, но только потому, что они знали, что англійское правительство ни за что не позволитъ, чтобы Антверпенъ остал-



ся въ рукахъ Германіи навсегда; они знали, что война не кончится, пока непріятель не будетъ отодвинутъ отъ лежащаго противъ Англіи берега Европы. Такъ волнуешь англичанъ то, что происходитъ въ Бельгіи сейчасъ. Но такъ было и раньше, и германскіе политики должны были это знать. Больше ста лѣтъ тому назадъ англичане вели кровопролитную и продолжительную войну съ французами, и тогда уже было ясно, что одной изъ причинъ этой войны была попытка французовъ утвердиться на бельгійско-голландскомъ побережьи, что захвата этого побережья Англія допустить не можетъ. Потомъ, въ 1870 году, была война между Пруссіей и Франціей. Англія осталась въ сторонѣ, но и на этотъ разъ она дала вполне опредѣленно понять, что Бельгію она считаетъ неприкосновенной. Англійское правительство обратилось тогда за запросомъ къ Пруссіи и къ Франціи, будутъ ли онѣ соблюдать нейтралитетъ Бельгіи. Обѣ стороны отвѣтили утвердительно. Пруссія заявила даже, что она считаетъ этотъ вопросъ излишнимъ, такъ какъ неприкосновенность Бельгіи закрѣплена обязательствомъ, подъ которымъ стоитъ подпись прусскаго короля. И, дѣйствительно, ни нѣмецкія, ни французскія войска не входили въ 1870 году въ Бельгію, а англійская королева за свое заступничество получила отъ бельгійцевъ благодарственный адресъ.

Точно такъ же, какъ въ 1870 году, поступила Англія и теперь. Увидѣвъ, что война между Германіей и Франціей почти неизбежна, англійское правительство обратилось въ Парижъ и въ Берлинъ опять съ тѣмъ же вопросомъ. Франція отвѣтила опредѣленно, что она оставитъ Бельгію въ покоѣ. Но Германія уклонилась отъ прямого отвѣта. Какъ я уже говорилъ, ей нужно было спѣшить, и отказаться

отъ похода черезъ Бельгію она считала невозможнымъ. Потомъ событія пошли очень быстро: Германія предъявила Бельгіи требованіе пропустить нѣмецкія войска во Францію; бельгійское правительство отказалось это сдѣлать; бельгійскій король въ эту минуту отчаянія обратился съ просьбой о помощи къ Англіи; Англія предъявила ультиматумъ Германіи. Но было уже поздно; германскій походъ уже начался, и Германія на ультиматумъ не отвѣтила. Тогда началась война съ Англіей, которой Германія въ настоящее время не желала и не ожидала.

Таковы были ближайшія причины англо-германскаго столкновенія. Но было бы, конечно, большой ошибкой думать, что къ бельгійскому вопросу сводятся всѣ корни англо-германской распри. Бельгія, это—только послѣдняя капля, переполнившая чашу. Германія вѣдь обѣщала, что по окончаніи войны она очиститъ Бельгію и оставитъ ее независимой. При дружественныхъ отношеніяхъ между Англіей и Германіей Англія могла бы отнестись къ этому обѣщанію съ довѣріемъ и до поры, до времени удержаться отъ вмѣшательства. Но въ томъ-то и дѣло, что дружественныхъ отношеній между Англіей и Германіей уже давно нѣтъ, что такого довѣрія быть не могло. Наоборотъ, Англія давно уже видитъ въ Германіи самаго опаснаго врага, давно относится съ подозрѣніемъ къ каждому ея шагу, отношенія между ними уже давно очень и очень натянуты. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить, что совсѣмъ недавно, въ 1911 году,—стало быть, всего три года тому назадъ,—война между Англіей и Германіей чуть не вспыхнула по другому поводу: не изъ-за Бельгіи, столь близкой къ Англіи, а изъ-за Марокко, страны въ Африкѣ, очень отъ нея далекой. Споръ



изъ-за Марокко шель даже, собственно говоря, не между Англіей и Германіей, а между Франціей и Германіей. И все-таки Англія вмѣшалась тогда, чтобы не дать Германіи особенно усилиться надъ Франціей, и вмѣшалась такъ энергично, что одно время война уже совсѣмъ казалась близкой. Конечно, для такого отношенія одной страны къ другой должны быть серьезныя и глубокія причины. Теперь Бельгія, тогда Марокко, все это—только ближайшіе поводы, за которыми скрывается что-то гораздо болѣе важное. Чтобы понять, что это такое, чтобы найти корни англо-германскаго соперничества, надо припомнить исторію отношеній между Англіей и Германіей за послѣднія десятилѣтія. Къ этой исторіи мы и должны теперь обратиться.

## II.

Лѣтъ тридцать тому назадъ Англія была еще въ общемъ очень дружественна съ Германіей. Въ это время Англія очень боялась Россіи. Русскіе проникали все дальше и дальше въ глубь Азіи, и англичане опасались, что въ концѣ-концовъ Россія начнетъ грозить непосредственно индійскимъ владѣніямъ Англіи. А Индія, это—самое богатое изъ владѣній Англіи, дающее Англіи громадный доходъ. Въ эти годы войны между Англіей и Россіей ждали все время, какъ чего-то неизбежнаго, такъ же какъ нѣсколько лѣтъ спустя начали ждать войны Россіи съ Германіей. Понятно, что Англія должна была искать для противовѣса Россіи дружбы съ однимъ изъ крупныхъ западно-европейскихъ государствъ, т.-е. съ Франціей или съ Германіей. А, съ другой стороны, руководитель германской политики, Бисмаркъ, стремился достигнуть сближенія съ Англіей. Въ срединѣ 80-хъ годовъ ему

это удалось. Между Англіей и Франціей начался споръ изъ-за Египта, турецкаго владѣнія въ Африкѣ, гдѣ въ это время Англія прочно утвердилась, начались вообще столкновенія изъ-за раздѣла захваченныхъ или еще не захваченныхъ земель въ Африкѣ. Между тѣмъ положеніе въ Азіи, на русско-афганской границѣ, становилось все болѣе тревожнымъ для Англіи. А тутъ какъ разъ Бисмаркъ предложилъ свою поддержку въ египетскомъ вопросѣ (конечно, за уступки земель въ другихъ мѣстахъ Африки). Дружба съ Германіей потомъ еще болѣе укрѣпилась, когда Франція начала сближаться съ Россіей. Если двѣ страны, которыхъ Англія считала тогда своими худшими врагами,—Францію въ Африкѣ, Россію въ Азіи,—заключали союзъ, то естественно было Англіи заключить союзъ съ Германіей. Впрочемъ, до формальнаго союза съ Германіей дѣло не дошло. Англія чувствовала себя тогда настолько сильнѣе другихъ своимъ флотомъ, настолько безопасной съ суши вслѣдствіе своего расположенія на островѣ, что она, сближаясь съ кѣмъ-нибудь, отъ союзовъ воздерживалась. Она считала выгоднымъ для себя сохранять свои руки свободными все время. Все же Англію основательно причисляли тогда къ лагерю только что родившагося тройственнаго союза, къ лагерю державъ, враждебныхъ Россіи и Франціи.

Англо-германская дружба продолжалась приблизительно до начала XX столѣтія. Еще въ 1899 г. извѣстный англійскій государственный дѣятель Джозефъ Чемберленъ защищалъ мысль о новомъ тройственномъ союзѣ Англіи, Германіи, Соединенныхъ Штатовъ. Но въ концѣ 90-хъ годовъ все же ужъ сильно даетъ себя чувствовать въ англійскомъ обще-



ствѣ, а затѣмъ и въ англійскихъ правящихъ кругахъ мысль о неизбѣжности сближенія съ Франціей и даже съ Россіей. Въ чемъ же причина этого поворота? Причина его, конечно, въ томъ, что Германія становилась все болѣе страшнымъ соперникомъ Англіи на всѣхъ поприщахъ жизни, начиная съ области чисто-хозяйственной конкуренціи и кончая самымъ важнымъ для Англіи вопросомъ—вопросомъ о морскомъ могуществѣ.

Основной, главной причиной англо-германскаго соперничества было быстрое хозяйственное развитіе Германіи. Въ началѣ XIX в., когда въ Англіи и во Франціи капитализмъ дѣлалъ уже очень и очень большіе успѣхи, Германія была еще довольно бѣдной и чисто-земледѣльческой страной. Населеніе ея составляли 25 милліоновъ человѣкъ, изъ которыхъ три четверти жили въ деревняхъ и только одна четверть—въ городахъ. Двѣ трети населенія занимались исключительно сельскохозяйственнымъ трудомъ. Промышленности и торговли почти не было. Дорогъ было мало, и онѣ были изъ рукъ вонъ плохи. Почта медленна, неудобна и дорогá. Этому отсталому экономическому состоянію соотвѣтствовалъ и отсталый политическій строй, который въ свою очередь очень задерживалъ экономическое развитіе. Вѣнскимъ конгрессомъ 1814 г., на которомъ побѣдители Наполеона заново распредѣлили Европу, было закрѣплено раздѣленіе Германіи на безконечное число маленькихъ государствъ. Ее раздѣляли на тридцать слишкомъ частей таможенные границы. Конечно, при такихъ условіяхъ развитіе промышленности и торговли не могло подвигаться быстро. Силу Германіи составлялъ тогда ея крестьянинъ. Онъ изготовлялъ самъ почти все нужные ему продукты, начиная съ одежды и

кончая большей частью орудій. Только одно сельское хозяйство Германіи въ это время процвѣтало. Такъ какъ въ Англіи была уже развита промышленность, а сельское хозяйство ея уже не могло удовлетворять спроса на сельскохозяйственные продукты, то ей нуженъ уже былъ ввозъ хлѣба. И вотъ мы видимъ, что Германія не только сама кормится своимъ хлѣбомъ, но и вывозитъ его въ Англію, главнымъ образомъ, рожь, а продукты англійской и французской промышленности ввозитъ.

Такой сельскохозяйственной по преимуществу страной остается Германія всю первую половину XIX вѣка. Конечно, уже и въ это время можно замѣтить признаки возможности хозяйственного развитія. Но въ общемъ до 1850 года большого прогресса незамѣтно. Молодая германская промышленность даже у себя дома, въ Германіи, не можетъ конкурировать съ болѣе старой и лучше поставленной промышленностью въ Англіи. Англійскіе продукты наводняютъ германскій рынокъ.

Первымъ поворотнымъ пунктомъ въ развитіи Германіи можно считать 1848 г. Въ этомъ году Германія пережила революцію. Правда, революція закончилась неудачно, она не дала Германіи ни свободы, этого существеннаго условія экономическаго процвѣтанія, ни объединенія въ одно государство,—а это уже было для экономическаго развитія совершенно необходимо. Тѣмъ не менѣе она принесла извѣстныя улучшенія и во всякомъ случаѣ послужила толчкомъ къ развитію духа предпріимчивости. Время отъ 1848 года по 1870 г., это—время зарожденія современной капиталистической Германіи, это—первая ступень того экономическаго развитія, которое послѣ 1870 г. поставило Германію на одно изъ первыхъ, а потомъ и на



первое мѣсто среди промышленныхъ странъ Европы. Въ это время создается обширная сѣть желѣзныхъ дорогъ, связывающихъ между собою важнѣйшіе города Германіи и соединяющихъ ея окраины съ центромъ. Принимаетъ вполнѣ современный капиталистическій характеръ горная и ткацкая промышленность. Быстро создаются страховыя компаніи, пароходныя общества, машиностроительныя, рафинадные заводы и т. д., и т. д. Непомѣрно растетъ число акціонерныхъ компаній и ихъ капиталъ. Основывается цѣлый рядъ кредитныхъ учреждений, банковъ, цѣль которыхъ — собираніе мелкихъ капиталовъ, соединеніе которыхъ необходимо для организаціи крупныхъ промышленныхъ и торговыхъ предприятий.

1870 годъ далъ новый толчокъ къ капиталистическому развитію. Германія въ 1870 г. вела войну съ Франціей и разбила ее. Эта война имѣла два очень важныхъ для хозяйства Германіи послѣдствія. Во-первыхъ, ея результатомъ было окончательное объединеніе мелкихъ германскихъ государствъ въ одно цѣлое — въ Германскую имперію. Во-вторыхъ, новая имперія сразу же при самомъ своемъ рожденіи получила наслѣдство въ видѣ захваченной у французовъ контрибуціи въ пять милліардовъ франковъ (около 1.800.000.000 р.). Этотъ дождь франковъ вызвалъ небывалую горячку въ торгово-промышленной жизни, небывалую погоню за наживой. Экономическая дѣятельность становится чрезвычайно напряженной. Достаточно немногихъ цифръ, чтобы это почувствовать. За двадцать лѣтъ (съ 1850 по 1870 г.) возникло въ Германіи 205 акціонерныхъ компаній съ капиталомъ въ 2 милліарда 400 милліоновъ марокъ (1.200.000.000 р.). За четыре года (съ 1871

по 1874 г.) появилось 857 компаній съ капиталомъ въ 3 милліарда 300 милл. марокъ (1.650.000.000 р.). Эта горячка привела къ провалу цѣлаго ряда предпріятій, но затѣмъ развитіе опять пошло очень быстро. Въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ Германія шла по пути прогресса прямо-таки гигантскими шагами. Въ хозяйственныхъ отрасляхъ, по преимуществу капиталистическихъ, въ банковомъ дѣлѣ, въ промышленности и въ торговлѣ нѣмцы дѣлають настоящія чудеса. Число лицъ, занятыхъ въ этихъ отрасляхъ хозяйства, составляетъ уже большинство населенія Германіи. Быстро развиваются кредитныя учрежденія, средства сообщенія, желѣзныя дороги, рѣчное и морское судоходство, почтовые, телеграфныя и телефонныя учрежденія, разнаго рода крупныя промышленныя предпріятія. Напримѣръ, сѣтъ желѣзныхъ дорогъ съ 469 километровъ (километръ—около версты) въ 1840 г. выросла до 54.164 километровъ въ 1905 г. Вложенный въ нее капиталъ равняется 14 милліардамъ марокъ (7 милліардовъ рублей) и приноситъ доходъ больше полумилліона въ годъ. Флотъ (торговый) Германіи вмѣщалъ въ 1850 г. 500.000 тоннъ (около 30.000.000 пудовъ), а въ 1905 г.—три съ половиной милліона. Онъ занималъ уже второе мѣсто послѣ англійскаго флота. Въ 1800 г. горная и металлургическая промышленность давала въ годъ около 25 милліоновъ марокъ, а въ 1900 г.—около 4-хъ милліардовъ, т.-е. въ 160 разъ больше. Въ 1880 г. еще добыча каменнаго угля равнялась 50 милліонамъ тоннъ, въ 1905 г.—121 милліону, а въ 1911 г.—234 милліонамъ. Добыча чугуна была въ 1880 г.  $2\frac{1}{2}$  милліона тоннъ, въ 1905 г.—11 милліоновъ, а въ 1911 г.— $15\frac{1}{2}$  милліонъ. Въ производствѣ желѣза и стали въ 1903 г. Германія заняла второе мѣсто, обогнавъ Англію и оставивъ



впереди только Соединенные Штаты (около 4.000.000 тоннъ въ 1890 г., около 15.000.000 въ 1911 г.). Новыя отрасли промышленности, химическая и электротехническая, съ самаго начала попали въ руки Германіи. Электротехническая промышленность представляетъ собою сейчасъ громадную цѣнность— $2\frac{1}{2}$  милліарда марокъ. Словомъ, нѣмецкая промышленность достигла въ началѣ XX вѣка такого могущества и процвѣтанія, которыя даютъ право къ исполнѣ законной гордости. Въ ней проявляется совершенно исключительный творческій духъ. Число предпріятій растетъ со скоростью, поражающей воображеніе. Послѣдніе годы, исключая, конечно, годы обычныхъ въ каждомъ капиталистическомъ обществѣ кризисовъ,—годы блестящихъ успѣховъ нѣмецкой промышленности.

Само собою разумѣется, что эта цвѣтущая, быстро развивающаяся промышленность никакъ не могла работать только на тотъ спросъ, какой ей предъявляла Германія. Ей нуженъ былъ сбытъ въ другія страны, ей нуженъ былъ внѣшній рынокъ. Рядомъ съ развитіемъ промышленности должно было идти и развитіе внѣшней торговли. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ Германія занимала еще по своей торговлѣ четвертое мѣсто въ ряду большихъ государствъ—послѣ Англіи, Франціи и Соединенныхъ Штатовъ. За эти пятнадцать лѣтъ Франція опустилась уже на четвертое мѣсто, а Германія перегнала Францію и Соединенные Штаты и заняла второе. Въ 1890 г. Германія вывозила товаровъ на 3 милліарда марокъ (около 1.500.000.000 рублей), въ 1910 году — на  $7\frac{1}{2}$  милліардовъ, въ 1913 г.—почти на 10 милліардовъ (5.000.000.000 рублей). Еще немного, и Германія, казалось, перегонитъ Англію и займетъ первое мѣсто. Одинъ

за другимъ отнимала она у Англіи ея рынки въ Африкѣ, въ Азіи, въ Южной Америкѣ и, наконецъ, начала грозить даже самой Англіи, ея внутреннему рынку. Товары съ клеймомъ: «Сдѣлано въ Германіи», наводнили Англію и, благодаря соединенію своей прочности съ крайней дешевизной, нашли себѣ самый широкій сбытъ. Когда-то вывозъ изъ Англіи въ Германію далеко, во много разъ превышалъ ввозъ въ Англію изъ Германіи. Но въ послѣдніе годы цифры вывоза и ввоза все сближались и сближались, въ 1903 г. онѣ совсѣмъ сравнялись, а затѣмъ ввозъ началъ быстро перегонять вывозъ. Въ общемъ больше трети вывозимыхъ Германіей товаровъ идетъ въ самыя развитыя капиталистическія страны—въ Англію и въ Соединенные Штаты. Окончательно закрѣпила за собою Германія южно-американскій и восточно-азиатскій рынки. Все болѣе крѣпили ея связи съ западной Азіей и съ Австраліей. Словомъ, Германія отовсюду съ успѣхомъ вытѣсняла своихъ соперниковъ. Хорошій образчикъ этихъ успѣховъ—персидская и марокканская торговля Германіи. Обѣ страны—и Персія и Марокко—больше связаны съ соперниками Германіи: Персія—съ Россіей (черезъ Закавказье) и съ Англіей (черезъ Индію), Марокко—съ Франціей. Персію можно считать отчасти русской, отчасти англійской колоніей, Марокко же—безспорная колонія Франціи. Тѣмъ не менѣе персидская торговля Россіи возросла за десятилѣтіе 1900—1910 гг. въ четыре раза, Англіи—въ полтора раза и Германіи—въ шесть разъ. Въ Марокко не французская, а германская торговля стоитъ на первомъ мѣстѣ.

Ростъ внѣшней торговли, это—только одна сторона экономическаго завоеванія Германіей земного шара.



На ряду съ нимъ идетъ ростъ германскаго судоходства, ростъ числа германскихъ банковъ, все бѣльшее и бѣльшее участіе нѣмецкихъ капиталовъ въ предпріятіяхъ не-нѣмецкихъ. Въ судоходствѣ Германія еще далеко отстаетъ отъ Англіи, гораздо дальше, чѣмъ въ торговлѣ. Но все же «Гамбургско-американское пароходство» и «Сѣверо-германскій Ллойдъ»— двѣ самыя крупныя нѣмецкія пароходныя компаніи— являются въ то же время самыми крупными компаніями въ мірѣ. Въ сношеніяхъ съ Америкой нѣмецкое судоходство важнѣе, чѣмъ судоходство сѣверо-американское. Нѣмецкіе банки и ихъ отдѣленія имѣются во всѣхъ странахъ. Нѣмецкія деньги еще не имѣютъ такой силы, какъ деньги французскія, онѣ не держатъ въ своей власти цѣлыхъ государствъ, но все-таки при заключеніи государственныхъ займовъ уже обращаются въ Берлинъ. Извѣстно, напримѣръ, что при русскихъ займахъ приходилось обращаться къ берлинскому банкиру Мендельсону. Въ послѣдніе годы нѣмецкія деньги усиленно поддерживали и сейчасъ еще поддерживаютъ Турцію. Кромѣ того, нѣмецкій капиталъ работаетъ въ чужихъ желѣзныхъ дорогахъ, въ чужихъ кояхъ, фабрикахъ и заводахъ. Онъ имѣется въ капиталѣ Сѣверной Тихоокеанской дороги въ Америкѣ, въ Анатолійской и Багдадской желѣзныхъ дорогахъ въ Азіатской Турціи, во многихъ русскихъ желѣзнодорожныхъ обществахъ. Онъ двигаетъ пивоваренные заводы въ С.-Луи и Мильвоки въ Соединенныхъ Штатахъ, онъ участвуетъ въ китайскомъ судоходствѣ, въ марокканскихъ фабрикахъ, въ аргентинскомъ сельскомъ хозяйствѣ, въ кояхъ южной Африки. Оцѣниваютъ, что въ чужихъ земляхъ всего помѣщено около 15 милліардовъ рублей нѣмецкаго капитала.

Этотъ громадный хозяйственный пере́воротъ, пережитый Германіей, вызвалъ также и пере́воротъ въ ея политикѣ. Въ 1870 г. Германія достигла цѣли, къ которой она стремилась такъ долго въ Европѣ,—объединенія бѣльшей части нѣмецкаго народа въ одно государство. Съ этого времени ея политика въ Европѣ становится довольно миролюбивой. Присоединеніе новыхъ земель при случаѣ, это—такая вещь, отъ которой она, конечно, не откажется; но цѣлей такихъ она себѣ не ставитъ. Совсѣмъ другое дѣло—въевропейскія страны. Германія завоевываетъ себѣ рынки во всѣхъ частяхъ земного шара. Ея экономическая дѣятельность принимаетъ міровой характеръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ такой же міровой характеръ принимаетъ и ея политика. Ростъ нѣмецкой промышленности и торговли, появленіе нѣмца-купца, нѣмца-предпринимателя, нѣмца-банкира въ далекихъ странахъ неизбѣжно должно было заставить Германію позаботиться объ ихъ охранѣ, должно было въ концѣ-концовъ заставить ее вмѣшаться въ дѣла самыхъ, казалось бы, чуждыхъ ей народовъ. Это съ одной стороны; а съ другой—ростъ промышленности и торговли, ростъ капиталовъ заставляютъ позаботиться о приобрѣтеніи собственныхъ владѣній за моремъ, объ образованіи колоніальной имперіи. Все это вмѣстѣ—созданіе колоніальной имперіи и охрана интересовъ германской торговли во всѣхъ частяхъ свѣта—и составляетъ то, что называютъ обыкновенно германскимъ имперіализмомъ.

Колоніальной державой Германія сдѣлалась очень недавно. Правда, еще въ 1528 г. нѣмецкія торговыя компаніи, — сначала Эингеръ, затѣмъ Вельзеръ, — приобрѣли земли въ Южной Америкѣ (Венецуэлѣ) и пытались извлекать изъ нихъ доходъ. Затѣмъ въ



1680 г. такъ называемый великій курфюрстъ бренденбургскій (владѣтель одного изъ маленькихъ государствъ, на которыя распадалась тогда Германія) основалъ компанію для колоніальной торговли и захватилъ клочокъ земли въ Афрікѣ. Но всѣ эти попытки остались безъ результатовъ, и можно сказать, что колоніальная политика Германіи началась по-настоящему только въ 1884 г., что она, такимъ образомъ, тѣсно связана съ промышленнымъ и торговымъ расцвѣтомъ Германіи послѣ 1870 г. Однако, и тутъ Германія не сразу рѣшилась вступить на путь колоніальныхъ захватовъ. Въ первыя десять лѣтъ съ основанія имперіи правительство германское ничего для этой цѣли не дѣлало. Оно ограничивалось охраной нѣмецкихъ подданныхъ, нѣмецкой торговли, нѣмецкихъ интересовъ за границей. Оно считало это достаточнымъ, а земельные захваты ненужными. На чемъ настаивала въ это время Германія, это на томъ, чтобы въ заморскихъ странахъ для ея торговли были «открытыя двери», чтобы ея торговцы могли ввозить всюду свои товары по возможности свободно отъ пошлинъ и во всякомъ случаѣ на равныхъ съ другими условіяхъ. Германское правительство разсчитывало, что для побѣды нѣмецкаго товара, нѣмецкаго торговца достаточно условій свободной конкуренціи. И, дѣйствительно, тамъ, гдѣ имѣются «открытыя двери», тамъ германская торговля очень преуспѣвала. Но съ теченіемъ времени кругъ такихъ открытыхъ странъ все суживается. Тѣ страны, въ которыхъ развивается собственная промышленность, отгораживаются стѣной высокихъ таможенныхъ пошлинъ (напр., Соединенные Штаты, Австралія). Страны же некультурныя захватываются постепенно европейскими державами, которыя стремятся сдѣлать изъ ди-

кихъ краевъ рынокъ исключительно только для своей промышленности, изгоняя всецѣло чужую конкуренцію. При такихъ условіяхъ и Германіи приходилось позаботиться о томъ, чтобы закрѣпить за собою извѣстные клочки земель. При своей быстро растущей промышленности она не могла смотрѣть равнодушно, какъ другіе дѣлятъ между собою земной шаръ. Рано или поздно она должна была въ этотъ дѣлежъ вмѣшаться. Съ другой стороны, чѣмъ больше богатѣла Германія, чѣмъ больше въ ней накоплялось капиталовъ, тѣмъ для нея были важнѣе колоніи, какъ мѣста, гдѣ можно приложить свободные капиталы для использованія ихъ природныхъ богатствъ.

Это желаніе закрѣпить за собою земли, которыя могутъ послужить или которыя уже служатъ рынками сбыта и мѣстомъ приложенія свободныхъ капиталовъ и которыя, если ихъ не закрѣпить, могутъ быть захвачены другими,—это желаніе было только однимъ изъ соображеній, заставившихъ Германію вступить на путь колониальной политики. Кроме него, были и другія. Въ Германіи, несмотря на ея промышленное процвѣтаніе, давно уже замѣчается избытокъ населенія; каждый годъ изъ Германіи въ одни только Соединенные Штаты выселяется около четверти милліона населенія. Сторонники приобрѣтенія колоній мечтали, что этотъ излишекъ населенія будетъ уходить въ колоніи и останется, такимъ образомъ, въ предѣлахъ Германской имперіи. Наконецъ, было еще и третье соображеніе: необходимость для германской промышленности имѣть у себя, въ своихъ владѣніяхъ, нужные для нея сырые матеріалы. Напримѣръ, для текстильной промышленности нуженъ хлопокъ. Только Соединенные Штаты и Россія имѣ-



ють собственный хлопокъ. Германія зависитъ въ этомъ отношеніи отъ ввоза, и, напимѣръ, сейчасъ она не можетъ получить сырого хлопка. Конечно, очень важно для развивающейся промышленности, на которую съ завистью смотрятъ конкуренты, освободиться отъ такой зависимости. Это можетъ быть достигнуто только созданіемъ колониальной имперіи и развитіемъ въ ней хлопководства, вообще добыванія въ ней всего того, что необходимо, какъ сырой матеріалъ, для промышленности.

Въ концѣ 70-хъ годовъ въ Германіи образовался цѣлый рядъ обществъ, ставящихъ себѣ цѣлью создать такую колониальную имперію. Смѣлые купцы, предприимчивые финансисты начинаютъ дѣятельно работать надъ пріобрѣтеніемъ и организаціей колоній. Правительство не могло въ концѣ-концовъ отказать имъ въ поддержкѣ государства. Такъ, бременскій купецъ Людерицъ пріобрѣлъ въ 1883 г. у африканскихъ князьковъ пустынное побережье Ангра-Пеквена. Въ 1884 г. Бисмарку пришлось принять эту первую колонію подъ покровительство Германской имперіи. Вслѣдъ за этимъ первымъ шагомъ послѣдовалъ цѣлый рядъ новыхъ пріобрѣтеній въ Африкѣ и на островахъ Тихаго океана. Последнее крупное колониальное пріобрѣтеніе Германіи сдѣлано въ 1897 г.; это—«аренда», какъ теперь мягко выражаются вмѣсто «захватъ», у Китая того самаго Кіао-Чао, которое сейчасъ уже отнято у Германіи Японіей. По своему пространству германскія колоніи очень обширны. Небольшое сравнительно Того все же больше Баваріи, тихоокеанскіе острова больше Пруссіи. Нечего и говорить уже о Камерунѣ, который въ  $1\frac{1}{2}$  раза больше всей Германіи, или о восточной Африкѣ, которая вдвое больше Германіи. Другое



дѣло—цѣнность этихъ колоній. Прежде всего совершенно не осуществилась мечта о выселеніи въ колоніи излишка германскаго населенія. И сейчасъ, черезъ тридцать лѣтъ послѣ приобрѣтенія германскихъ колоній, въ нихъ всего какихъ-нибудь два-три десятка тысячъ нѣмцевъ-колонистовъ. Это и понятно: почти всѣ онѣ лежатъ подъ тропиками, въ такихъ мѣстахъ и въ такомъ климатѣ, къ которымъ европейцамъ очень трудно приспособиться. Но мало даютъ пока колоніи и въ другихъ отношеніяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, какое значеніе имѣютъ 70.000.000 руб. торговли съ колоніями по сравненію съ милліардами рублей всей внѣшней торговли Германіи. Въ этомъ отношеніи большую цѣнность представляло только Кіао-Чао; маленькое по своимъ размѣрамъ, оно служило дверью, черезъ которую германскіе товары въ большомъ количествѣ проникали въ Китай. Что касается поставки сырыхъ матеріаловъ, то здѣсь дѣло обстоитъ лучше всего. Однако, колониальные товары все же не удовлетворяли и, несомнѣнно, не скоро еще могли бы удовлетворять весь спросъ германской промышленности. Германія, такимъ образомъ, не могла быть вполне довольна своей колониальной имперіей. Она вышла слишкомъ поздно на это поприще международной борьбы. Лучшіе куски, лежащіе въ болѣе подходящемъ для колонизаціи климатѣ, болѣе плодородные и т. д., были уже расхвачаны. Заинтересованные въ колоніяхъ круги германскаго общества чувствовали себя обойденными и съ завистью глядѣли на болѣе богатыхъ сосѣдей—на Англію и на Францію. Колониальный голодъ Германіи далеко еще не былъ утоленъ и представлялъ собою для всѣхъ другихъ колониальныхъ державъ постоянную и очень серьезную угрозу.



Потребности растущей промышленности, растущаго капитала, необходимость приобрѣтенія рынковъ сбыта и областей добыванія сырого матеріала толкнули Германію на путь колоніальной политики. Потребности той же промышленности, той же внѣшней торговли, того же капитала двинули также Германію и на путь созданія мощнаго военнаго флота. Разъ германскіе купцы съ германскими товарами, германскіе капиталы въ разнаго рода предпріятіяхъ появились во всѣхъ частяхъ свѣта, у германскаго правительства возникла новая обязанность—ихъ тамъ защищать. Оно должно было добиться, чтобы къ его голосу относились внимательно вездѣ, гдѣ только имѣются нѣмецкія издѣлія. Но для этого было мало прекрасной германской арміи; нуженъ былъ столь же сильный флотъ. Маленькую Германію въ Европѣ армія могла охранять. «Великую Германію» она, конечно, охранять уже не можетъ. И вотъ съ начала 90-хъ годовъ Германія усиленно берется за созданіе флота. Главнымъ защитникомъ, главнымъ проповѣдникомъ мощнаго флота является самъ императоръ Вильгельмъ II. По его рѣчамъ удобнѣе всего поэтому познакомиться съ тѣмъ, какъ представляютъ себѣ въ Германіи связь между хозяйственными успѣхами, міровой политикой и созданіемъ флота. «Германская имперія стала міровой имперіей,—говорилъ Вильгельмъ еще въ 1896 г.—Вездѣ, въ отдаленнѣйшихъ частяхъ земли, живутъ наши соотечественники. Нѣмецкіе продукты, нѣмецкая наука, нѣмецкая промышленность идутъ за океанъ. Тысячами миллионовъ оцѣниваются товары, отправляемые Германіей за море. Необходимо связать эту Великую Германію съ европейской Германіей». Война 1870 г. создала положеніе Германіи въ Европѣ.

Эту задачу можно теперь считать выполненной. Но она должна быть дополнена другой, которая обезпечитъ положеніе Германіи въ мірѣ. Какъ 1870 г. не былъ возможенъ безъ арміи, такъ дальнѣйшее движеніе впередъ невозможно безъ флота. «Какъ мощно бьютъ въ ворота нашего народа волны океана! Онѣ вынуждаютъ его занять въ мірѣ мѣсто, подобающее великому народу; вынуждаютъ вести мировую политику. Океанъ необходимъ для величія Германіи. На его водахъ и за океаномъ ни чего не должно рѣшаться безъ Германіи и безъ германскаго императора. Нашъ нѣмѣцкій народъ не для того побѣждалъ и проливалъ свою кровь тридцать лѣтъ тому назадъ, чтобы позволить отодвинуть себя при рѣшеніи великихъ международныхъ вопросовъ». Такъ мысль о хозяйственныхъ интересахъ и объ ихъ защитѣ незамѣтно переходитъ въ мысль о мировомъ господствѣ, о мировой имперіи. Но изъ-за высокопарныхъ фразъ все время выглядываетъ одно и то же: интересы торговли, интересы капитала. «Необходимо, чтобы мощный флотъ защищалъ торговый флагъ, дабы вы могли спокойно сбывать свои продукты. Прилагая всѣ усилія къ развитію нашей мощи на морѣ, я думаю, что я оказываю наилучшую услугу всѣмъ торгово-промышленнымъ городамъ».

Эта агитація императора такъ соотвѣтствовала дѣйствительнымъ нуждамъ германскихъ торгово-промышленныхъ классовъ, что она не могла не увѣнчаться успѣхомъ. Съ 1898 г. Германія начала быстро и послѣдовательно усиливать свой флотъ, доводя его до 40 съ лишнимъ броненосцевъ, 40 крейсеровъ и болѣе 200 мелкихъ боевыхъ единицъ. Германскій флотъ, съ которымъ не считались совершенно въ началѣ царствованія Вильгельма II, предста-



вляеть собою теперь боевую силу вторую въ мірѣ. Онъ уступаетъ только англійскому флоту и стоитъ наравнѣ съ сѣверо-американскимъ. Конечно, сейчасъ онъ почти безсиленъ противъ соединенныхъ флотовъ Англій, Франціи, Россіи и Японіи, онъ почти не выходитъ поэтому изъ своихъ укрѣпленныхъ портовъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что это любимое созданіе Вильгельма II поглотило не даромъ уйму денегъ нѣмецкаго народа. Нѣмецкія суда, несомнѣнно, хорошо выстроены, хорошо оборудованы, и могутъ хорошо сражаться.

### III.

Итакъ, процвѣтающая германская промышленность завоевываетъ все новые рынки, востовсюду, даже и въ самой Англій, вытѣсняя англійскіе товары; Германія начинаетъ вести широкую колоніальную политику, захватывая громадныя пространства земли въ Африкѣ и съ жадностью и съ завистью поглядывая на добычу другихъ колоніальныхъ державъ, первая изъ которыхъ, самая богатая, опять-таки Англія; наконецъ, Германія создаетъ себѣ мощный боевой флотъ, стремясь къ господству на океанахъ, къ господству, которое издавна считаетъ принадлежащимъ исключительно себѣ Великобританія. Могла ли Англія смотрѣть на все это равнодушно? Конечно, нѣтъ; это было совершенно невозможно. Не такъ давно Бисмаркъ отрицалъ возможность вражды между Германіей и Англійей. «Мы находимся, — говорилъ онъ, — по отношенію къ Англійи въ счастливомъ положеніи. Между нами нѣтъ столкновенія интересовъ, исключая торговыхъ споровъ и случайныхъ разногласій, въ которые всюду бываютъ. Но ничто не можетъ вызвать войны между двумя трудолюбивыми и

мирными народами». Бисмаркъ, говоря это, былъ, вѣроятно, искрененъ. Но сейчасъ высказанныя имъ мысли можно счесть за иронію. Между Англіей и Германіей обнаружилось, несомнѣнно, весьма и весьма глубокое «столкновеніе интересовъ». Ихъ торговые споры стали такъ остры, что изъ-за нихъ начались уже не какія-либо случайныя, а очень постоянныя разногласія. Наконецъ, мирное настроеніе обѣихъ націй ослабѣло именно потому, что онѣ очень «трудолюбивы», что ихъ промышленность работаетъ на міровой рынокъ. Англо-германское соперничество господствуетъ надъ всѣми вопросами политической исторіи Европы послѣднихъ лѣтъ. Наблюдатель, который поднялся бы надъ нашимъ временемъ, какъ птица подымается надъ землею, который могъ бы разсмотрѣть только самое главное въ спорахъ государствъ другъ съ другомъ,—такой наблюдатель прежде всего замѣтилъ бы борьбу Англіи съ Германіей. Три года тому назадъ одинъ французскій писатель сказалъ объ англо-германскомъ соперницествѣ и объ его вліяніи на жизнь другихъ народовъ такъ: «Ожиданіе великой битвы тяготѣетъ надъ міромъ, оно лишаетъ его спокойствія; народы, онѣмѣвшіе, какъ птицы при приближеніи бури, ищутъ убѣжища, которое укроло бы ихъ и позволило бы перенести благополучно ураганъ». Читая эти строки теперь, невольно воспоминаешь о несчастной, растерзанной Бельгіи; не всѣмъ народамъ удалось найти убѣжище и защиту отъ великой бури.

Вполнѣ понятно, почему споръ принялъ такой острый характеръ. Сила англо-германскаго соперничества опредѣляется самими условіями существованія Англіи и ея имперіи. Эти условія во многомъ не похожи на условія жизни другихъ странъ и отражаются



непосредственно на отношеніяхъ Англіи къ другимъ государствамъ. О нихъ стоитъ напомнить. Вѣдь Англія гораздо раньше Германіи превратилась въ промышленную страну, изготовляющую товары на вывозъ. Промышленный переворотъ, начавшійся въ Англіи больше ста лѣтъ тому назадъ, теперь уже совершенно закончился и измѣнилъ Англію до неузнаваемости. Сельскохозяйственная Англія былыхъ временъ почти совершенно исчезла. Каменный уголь и желѣзо, шерсть и хлопокъ,—вотъ чѣмъ живетъ современная Англія, а никакъ не производствомъ хлѣба. Ея благосостояніе основано всецѣло на промышленности и на торговлѣ. Ей необходимы внѣшніе рынки, потому что она живетъ исключительно вывозомъ; безъ вывоза ей нечего будетъ ѣсть, или ей придется разориться, чтобы купить себѣ хлѣба. Англія со своимъ слабымъ сельскимъ хозяйствомъ и съ громаднымъ населеніемъ ввозитъ съѣстныхъ припасовъ на милліарды рублей въ годъ. За эти припасы нужно заплатить, а деньги приходится выручать продажей продуктовъ англійской промышленности. Эти милліарды должны доставить Англіи ея фабрики, ея заводы, ея торговля, ея судоходство, ея капиталы, помѣщенные за границей. Это—оборотная сторона славы Англіи; здѣсь слабое мѣсто ея силы. Въ каждую минуту, какую бы мы ни взяли, въ Англіи нѣтъ съѣстныхъ припасовъ больше, чѣмъ на нѣскольکو недѣль. Какая-нибудь случайность прекращаетъ подвозъ въ Англію на двѣ недѣли,—и ей уже грозятъ голодъ, возмущеніе населенія, катастрофа! То же самое, если англійскіе товары перестаютъ покупать въ другихъ странахъ, если ихъ туда не пускаютъ. Когда-то Наполеонъ пытался прекратить продажу англійскихъ товаровъ въ Европѣ, понявъ, какъ

много это для Англiи значить. Но тогда въ Англiи было еще гораздо больше своего хлѣба, чѣмъ сейчасъ; теперь это было бы для нея много чувствительнѣй. Промышленная, торговая, морская конкуренція грозитъ самымъ источникамъ жизни Англiи. Кризисъ ея торговли и промышленности имѣетъ для нея послѣдствiя болѣе тяжелыя, чѣмъ для другихъ странъ.

Экономическое соревнованiе было и раньше; но только развитiе современной крупной промышленности, современныхъ крупныхъ капиталовъ сдѣлало борьбу такой ожесточенной. Конкуренція, это—теперь борьба за жизнь,—борьба, которая похожа на войну и часто ведетъ за собой войну. Англійскіе предприниматели, выступившіе первыми на міровой рынокъ, захватившіе его почти безъ труда, долго пользовались имъ одни, почти безъ конкурентовъ, какъ какой-то монополіей. Самая мысль о появленiи конкурента была имъ чужда. Какъ всякая монополія, и эта монополія Англiи избаловала англичанъ и сдѣлала легкой борьбу съ англійской торговлей для молодой, очень дѣятельной торговли Германiи. Опасность, грозящую съ этой стороны, англичане увидѣли только въ 1886 году. Въ этомъ году они произвели обслѣдованiе состоянiя своей промышленности. Обслѣдованiе доказало, что англійская торговля ведется устарѣлыми приѣмами, что она медлительна и не считается съ новыми потребностями. Съ другой стороны, обслѣдованiе доказало энергію, прекрасную организацію, освѣдомленность, смѣлость приѣмовъ торговцевъ германскихъ. Они часто продаютъ худшіе продукты, но всегда дешевле; они приспособляются ко вкусамъ каждой страны, каждаго народа, они оказываютъ долгосрочный кредитъ,—таковы причины успѣха нѣмецкихъ товаровъ.



Со времени этого обслѣдованія почти каждый годъ приносилъ что-либо новое въ области успѣховъ Германіи. И каждый новый успѣхъ германской промышленности, германской торговли болѣзненно чувствуется въ центрахъ англійской промышленности, англійскаго капитала,—въ лондонскомъ Сити, въ Бирмингемѣ и т. д. То пароходъ подъ германскимъ флагомъ «Гамбургско-американской компаніи» перерѣжетъ Атлантическій океанъ скорѣе, чѣмъ его конкурентъ англійской компаніи; то статистика покажетъ, что гамбургскій портъ сталъ въ какомъ-нибудь отношеніи первымъ въ мірѣ. Германскіе товары даже на рынки англійскихъ колоній проникаютъ постепенно все большими массами, тогда какъ англійскій вывозъ, напримѣръ, въ Канаду, за какія-нибудь 20 лѣтъ сокращается вдвое. Мало того: германскіе продукты наводняютъ самое Англію. Въ Англіи узнаютъ, что Англія покупаетъ въ Германіи на такую же сумму, на какую сама вывозитъ въ Германію. Наконецъ, полная побѣда Германіи: ея ввозъ въ Англію начинаетъ все больше и больше превышать вывозъ Англіи въ Германію. Нечего и говорить уже о прежней монополіи; теперь идетъ рѣчь только о томъ, какъ бы отстоять свое существованіе. Въ Англіи паника достигаетъ высшаго пункта, англійскіе писатели начинаютъ уже предсказывать, что за товарами, на которыхъ стоитъ клеймо: «Сдѣлано въ Германіи», неизбежно появятся въ Англіи и остроконечныя каски прусской арміи.

Но промышленное соперничество—лишь одна сторона вопроса. Другая, столь же серьезная,—вновь зародившійся имперіализмъ Германіи, ея міровая политика, ростъ ея флота. Подъ властью Англіи живутъ сотни милліоновъ разноцвѣтнаго и разноплеменнаго

населенія. Ей приходится поддерживать связь между этими разнородными частями ея имперіи, охранять Индію, Египетъ, удовлетворять требованія Канады, Австраліи и т. д., и т. д. Въ однѣхъ странахъ ей приходится предупреждать мятежи туземцевъ, въ другихъ—защищать своихъ вѣрныхъ подданныхъ отъ вторженія сосѣдей. Для охраны всей громадной имперіи у нея почти нѣтъ арміи. У нея нѣтъ всеобщей воинской повинности, ея небольшая постоянная армія состоитъ изъ добровольцевъ. Сила, на которую она опирается, это—ея флотъ, бороздящій море по всѣмъ направленіямъ и господствующій на океанахъ вотъ уже болѣе 300 лѣтъ. Понятно, съ какимъ вниманіемъ слѣдитъ Англія за усиленіемъ флотовъ другихъ державъ. Какъ въ экономической конкуренціи она видитъ проявленіе злостной зависти къ ея экономическому благополучію, такъ и въ усиленіи флота она видитъ покушеніе на ея политическую цѣлость. И то, и другое представляется ей нарушеніемъ естественнаго порядка вещей. Боясь возможнаго соединенія противъ нея двухъ державъ, она давно уже рѣшила, что ея флотъ долженъ быть на 10% сильнѣе флотовъ двухъ сильнѣйшихъ морскихъ державъ, вмѣстѣ взятыхъ. Но всегда ли будетъ возможно держаться на такомъ уровнѣ? Сможетъ ли Англія угнаться, если Германія будетъ продолжать увеличивать свой флотъ такъ же быстро, какъ она это дѣлала до сихъ поръ? Можно ли вѣчно на постройку двухъ дреднотовъ отвѣчать постройкой трехъ дреднотовъ? Вѣдь и англійскія денежныя средства могутъ при такомъ вѣчномъ соперничествѣ истощиться. Между тѣмъ отказаться отъ владычества на морѣ Англія никакъ не можетъ. Это значитъ для нея отказаться отъ своей имперіи, ибо та же Германія, оказавшись сильнѣе



Англіи на морѣ, конечно, не постѣснится отнять у нея колоніи болѣе доходныя, болѣе удобныя для поселенія, чѣмъ тѣ, которыя достались ей въ 80-хъ годахъ. Вѣдь на эти колоніи она давно смотритъ съ завистью.

Такъ сильнѣйшій экономическій соперникъ Англіи становится также ея страшнѣйшимъ политическимъ врагомъ. И то, и другое,—и экономическое соперничество, и политическое недовѣріе,—очень ярко проявилось въ послѣднее время въ вопросѣ о такъ называемой Багдадской желѣзной дорогѣ. Въ поискахъ за колоніями Германія обратила вниманіе на области Азіатской Турціи, сейчасъ очень бѣдныя, но по своимъ природнымъ условіямъ обѣщающія богатые доходы тому, кто вложитъ въ нихъ извѣстный капиталъ. Германія не думала пока отнимать этихъ областей у турецкаго султана; нѣмецкіе капиталисты хотѣли только утвердиться тамъ экономически. Для этой цѣли они прежде всего выхлопотали у Турціи разрѣшеніе провести черезъ всѣ ея азіатскія владѣнія желѣзную дорогу, рассчитывая, что при помощи этой желѣзной дороги они захватятъ въ свои руки всю страну и превратятъ ее въ нѣмецкую колонію, хотя по имени она и будетъ оставаться турецкой. На первыхъ порахъ Англія, больше всего боявшаяся тогда Россіи, помогала Германіи упрочиться въ Азіатской Турціи. Англія считала, что это—хорошее средство помѣшать Россіи продвинуться на югъ, гдѣ Россія могла бы грозить пути изъ Англіи въ Индію, самое доходное изъ англійскихъ владѣній. Но уже очень скоро въ Англіи поняли, что изъ страха передъ Россіей допустили въ Турцію гораздо болѣе опаснаго врага. Постройка желѣзной дороги быстро подвигалась впередъ, приближаясь къ тѣмъ областямъ

Турціи, которыя были очень важны для Англіи и въ смыслѣ экономическомъ, какъ рынки, и въ смыслѣ политическомъ, какъ земли, расположенныя очень близко къ Индіи. Нѣмецкая торговля и нѣмецкій капиталъ явнымъ образомъ все больше захватывали Турцію въ свою власть, а вмѣстѣ съ тѣмъ турецкое правительство становилось игрушкой въ рукахъ правительства германскаго. Германія, такимъ образомъ, оставляя султана на престолѣ, овладѣвала постепенно его землями. А это, съ одной стороны, уменьшало возможность приложенія въ Турціи англійскихъ капиталовъ и сбыта англійскихъ товаровъ, съ другой стороны, выводило Германію на индійскіе пути. Изъ-за чего раньше Англія враждовала съ Россіей, изъ-за того же она теперь должна была неизбежно вступить въ борьбу съ Германіей, должна была постараться всячески помѣшать нѣмецкимъ планамъ въ Турціи. Эта борьба изъ-за Багдадской желѣзной дороги много способствовала обостренію англо-германскихъ отношеній и послужила рѣшительнымъ толчкомъ къ разрыву англо-германской дружбы.

Сознаніе противорѣчія англійскихъ и германскихъ интересовъ, — противорѣчія, такъ ясно сказавшагося въ спорѣ о Багдадской дорогѣ, — постепенно все глубже проникаетъ какъ въ англійское, такъ и въ германское общество. Въ нѣмцѣ англичанинъ все болѣе привыкаетъ видѣть врага; нѣмецъ грозитъ его имуществу и его жизни. Что касается Германіи, то тамъ и рѣчи императора, и пропаганда цѣлаго ряда обществъ распространяютъ въ народѣ мысль о необходимости заморскаго расширенія, о томъ, что «будущее Германіи — на морѣ»; онѣ приучаютъ смотрѣть на Англію, какъ на единственнаго соперника, котораго еще остается сокрушить, чтобы достигнуть пер-



ваго мѣста въ мірѣ. Изъ торговаго соперничества становится національнымъ, оно вырождается въ общее недовѣріе, въ общую враждебность. Нѣмецъ начинаетъ смотрѣть на англичанина и англичанинъ на нѣмца, какъ на своего извѣчнаго естественнаго противника.

Конечно, не всякій англичанинъ, не всякій нѣмецъ. Напримѣръ, рабочіе Англіи и рабочіе Германіи, несмотря на все соперничество ихъ правящихъ классовъ, находились въ дѣятельныхъ сношеніяхъ другъ съ другомъ; рабочія партіи той и другой страны вели, каждая у себя, агитацію въ пользу примиренія и соглашенія. Признавая невозможнымъ уничтожить экономическую конкуренцію, онѣ настаивали на томъ, чтобы обѣ страны ограничили свои морскія вооруженія; это казалось имъ самымъ надежнымъ средствомъ предупредить возможность кровопролитной морской войны. Кромѣ рабочихъ, есть и среди англійскихъ промышленниковъ такіе, которые не такъ страдаютъ отъ нѣмецкой конкуренціи. Эти промышленники тоже вели агитацію за соглашеніе съ Германіей, за сокращеніе по обоюдному согласію программъ военнаго судостроенія. Иногда казалось даже, что эта агитація близится къ успѣху. Англійскіе и нѣмецкіе государственные дѣятели вели какіе-то тайнственные переговоры, ѣздили—первые въ Берлинъ, вторые—въ Лондонъ, газеты подымали по этому поводу шумъ, даже морскіе министры начинали говорить миролюбивыя рѣчи. Но затѣмъ шумъ затихалъ, и все оставалось по-старому. Не мирныя группы общества, а воинственные давали въ общемъ тонъ и направленіе внѣшней политикѣ какъ въ Англіи, такъ и въ Германіи. Успѣхъ сторонниковъ сближенія былъ только кажущимся; да-

же въ Англіи они не смогли привлечь на свою сторону общественное мнѣніе. Стоитъ указать, что даже въ средѣ англійскихъ соціалистовъ многіе стояли въ сторонѣ отъ проповѣди мира, находя, что съ Германіей необходима борьба, борьба до конца и во что бы то ни стало. Колебанія политики, поѣздки и переговоры вызывались случайными причинами и не мѣняли поэтому основнаго направленія англійской политики, которая въ теченіе послѣднихъ 12-ти лѣтъ была устойчиво-враждебной Германіи.

#### IV.

Поворотъ отъ дружбы съ Германіей къ разрыву съ нею, къ сближенію съ Россіей и Франціей произошелъ, конечно, не сразу. Но все же къ 1903 г. этотъ поворотъ можно уже считать совершившимся. Въ 1903 году было заложено основаніе тому «тройственному соглашенію» Россіи, Англіи и Франціи, которое недавно, уже во время войны, превратилось въ тройственный союзъ. Въ то время, т.-е. въ 1903 году, франко-русскій союзъ уже существовалъ. Расходясь съ Германіей, Англія не имѣла другого выхода, кромѣ сближенія съ Франціей и съ Россіей. Но и съ той, и съ другой у нея были старые счеты, съ которыми нужно было какъ-нибудь покончить. Прежде всего начались переговоры съ Франціей, съ которой еще очень недавно дѣло едва не дошло до войны, но которая по сравненію съ Германіей все же казалась не очень страшной для Англіи. Начавшись во время пріѣзда англійскаго короля въ Парижъ, эти переговоры привели къ соглашенію между Англіей и Франціей по тѣмъ вопросамъ, которые всегда вызывали ихъ споры, — по дѣламъ африканскимъ.



Смыслъ этого соглашенія былъ тотъ, что Франція признавала права Англіи на Египетъ (въ восточной Африкѣ), Англія признавала притязанія Франціи на Марокко (въ западной Африкѣ). Причины стараго спора были устранены, и обѣ державы могли теперь въ согласіи дѣйствовать противъ третьей, которую онѣ считали общимъ врагомъ,—противъ Германіи. Но это было только поддѣла. Франція была въ союзѣ съ Россіей, Англія—въ соглашеніи съ Франціей. Для полной прочности этого кольца, которое должно было окружить Германію и положить конецъ ея стремленіямъ къ міровому владычеству, къ міровой имперіи, не хватало еще одного: соглашенія Англіи съ Россіей. До русско-японской войны такое соглашеніе было почти невозможно, такъ какъ Россія вела на Среднемъ и Дальнемъ Востокѣ дѣятельную политику, очень тревожившую Англію. Послѣ войны дѣло измѣнилось. У Россіи оказался въ Азіи противовѣсъ въ видѣ Японіи, и страхъ Англіи передъ завоевательными замыслами, которые она приписывала Россіи, сразу ослабѣлъ. Между обѣими державами стали возможны дружественные переговоры по азіатскимъ дѣламъ, которые и увѣнчались успѣхомъ въ сентябрѣ 1907 года. Соглашеніе 1907 года разграничивало интересы Россіи и Англіи какъ разъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ столкновеніе между ними казалось особенно близкимъ, главнымъ образомъ, въ Персіи. Кольцо вокругъ Германіи замкнулось.

Такъ создалось тройственное соглашеніе, безъ котораго врядъ ли было бы возможно совмѣстное выступленіе Россіи, Англіи и Франціи противъ Германіи и Австріи. Однако, соглашеніе сдѣлало такое выступленіе только возможнымъ, а отнюдь не обязательнымъ, по крайней мѣрѣ, для Англіи. Усиліями

англійской, французской и русской дипломатіи было выковано оружіе для борьбы съ растущей экономически и политически Германіей. Но это еще не значило, конечно, что оружіе будетъ пущено въ ходъ при первомъ же удобномъ случаѣ. И, дѣйствительно, оно было пущено въ ходъ не сразу.

Вражда Англій къ Германіи, стремленіе Англій свести счеты съ Германіей имѣеть, какъ мы видѣли, весьма глубокіе корни, весьма серьезныя основанія. Казалось бы, Англія, обезпечивъ себѣ тройственнымъ согласіемъ содѣйствіе Франціи и Россіи, должна была воспользоваться выгодой своего положенія, чтобы или заставить своего противника смириться, или обрушиться на него всѣми своими силами. Дѣйствія Австріи по отношенію къ Сербіи и поддержка, оказанная Австріи Германіей, показывали достаточно убѣдительно, что Германія, несмотря на существованіе тройственного согласія, не намѣрена отказываться отъ своей наступательной политики на Ближнемъ Востокѣ. Вѣдь ясно, что смыслъ австро-сербскаго спора былъ въ стремленіи Австріи и Германіи стать снова прочной ногой на Балканахъ, откуда ихъ частью вытѣснили, частью грозили вытѣснить. Дѣло было, конечно, не въ убійствѣ Франца-Фердинанда, которое послужило поводомъ къ войнѣ, а въ экономическомъ и политическомъ господствѣ на Ближнемъ Востокѣ, и въ Англій это, разумѣется, прекрасно понимали. Тѣмъ не менѣе въ первые дни европейскаго кризиса Англія держалась очень нерѣшительно. При современныхъ условіяхъ военной техники, при современныхъ экономическихъ условіяхъ бросить Англію, съ ея высоко-развитою промышленностью, въ войну съ такимъ врагомъ, какъ Германія, — прежде, чѣмъ принять такое рѣшеніе, нужно было,



конечно, серьезно подумать. Война должна была во всѣхъ отношеніяхъ стоить дорого, и рискъ разоренія отъ войны, даже въ случаѣ полного успѣха, былъ очень великъ. Это съ одной стороны. Съ другой стороны, самая причина войны была очень далека и мало понятна для англійскаго общества. А безъ поддержки общественнаго мнѣнія Англія, при ея политическомъ строѣ и при ея войскѣ, составляемомъ посредствомъ добровольной вербовки, воевать не можетъ. И вотъ мы видимъ, что англійское правительство въ началѣ кризиса не только не спѣшитъ съ войной, но прилагаетъ всѣ усилія, чтобы ее предупредить.

Англійское правительство получило изъ Вѣны извѣстіе объ австрійскомъ ультиматумѣ Сербіи 11-го іюля. Англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ сэръ Эдуардъ Грей сразу призналъ, что принять этотъ ультиматумъ невозможно. «Я никогда не видалъ,—телеграфировалъ онъ послу въ Вѣну,—чтобы одно государство обращалось къ другому независимому государству съ такимъ ужаснымъ документомъ». Но вмѣстѣ съ тѣмъ Грей настаивалъ, что австро-сербскій споръ не затрагиваетъ Англіи, что онъ можетъ интересоваться ею только съ точки зрѣнія европейскаго мира. Въ тотъ же день Грей получилъ телеграмму отъ англійскаго посла въ Петербургѣ. «Поведеніе Австріи,—писалъ посолъ,—одновременно безнравственно и вызывающе. По мнѣнію русскаго министра иностранныхъ дѣлъ, она никогда не рѣшилась бы на такой шагъ, не испросивъ раньше совѣта у Германіи». Русское министерство выражало надежду, что англійское правительство не откажется заявить о своей солидарности съ Россіей и Франціей. Французскій посолъ давалъ понять, что Франція выполнитъ всѣ свои обязательства. Но англійскій по-

соль рѣшительно заявилъ, что обѣщать безусловную поддержку Россіи и Франціи силой оружія англійское правительство не можетъ, ибо англійскіе интересы въ Сербіи равны нулю, и война изъ-за Сербіи никогда не будетъ одобрена англійскимъ общественнымъ мнѣніемъ. На слѣдующій день посоль опять сообщалъ, что, по мнѣнію русскаго министерства, «поведеніе Германіи зависитъ отъ поведенія Англіи. Если Англія будетъ твердо стоять на сторонѣ Россіи и Франціи, то войны не будетъ. Если же Англія уклонится отъ этого, то прольются потоки крови, и въ концѣ-концовъ она все-таки будетъ втянута въ войну... Германія убѣждена,—повторялъ русскій министръ,—что она можетъ разсчитывать на невмѣшательство Англіи».

Какъ показали дальнѣйшія событія, доводы русскаго министерства были вполне основательны. Но Грей, желая избѣжать войны, отказался обѣщать помощь Англіи Россіи и Франціи. Онъ опять отвѣчалъ такъ: «Изъ-за сербскаго вопроса общественное мнѣніе не одобритъ войны. Но если разгорится европейская война, то могутъ выдвинуться другіе вопросы, которые втянутъ насъ въ нее. Поэтому я хочу ее предупредить». Съ этой цѣлью,—чтобы предупредить войну,—Грей отъ имени Англіи предложилъ совѣщаніе четырехъ незаинтересованныхъ въ спорѣ державъ: Англіи, Германіи, Франціи и Италіи. Однако, дальнѣйшіе переговоры очень быстро распатали эту мирную политику Англіи. 14-го іюля выяснилось, что Германія не считаетъ удобнымъ предлагаемое Греємъ совѣщаніе, 15-го австрійскій министръ заявилъ, что «дѣло можетъ быть улажено только тѣмъ, кто непосредственно имъ затронутъ»; наконецъ, 16-го въ Россіи былъ изданъ указъ о мобилизаціи... Англія и тутъ еще возлагала надежды на переговоры. Не уда-



лось совѣщаніе, — можетъ быть, удастся посредничество Германіи между Россіей и Австріей. Не удалось посредничество, — можетъ быть, удадутся прямые переговоры между Вѣной и Петербургомъ. Словомъ, въ цѣляхъ предупрежденія войны должно быть все и до конца испробовано. Но быстро развивающіяся событія опрокидываютъ одинъ планъ за другимъ, какъ карточные домики, и передъ Англіей постепенно вырисовывается, какъ нѣчто несомнѣнное, что европейской войны уже не избѣжать.

Какъ поступить теперь? Остаться и дальше нейтральной? Но вѣдь это значитъ свести къ нулю всѣ свои дипломатическіе успѣхи послѣднихъ лѣтъ, — успѣхи, результатомъ которыхъ было «кольцо вокругъ Германіи», ея окруженіе. Вѣдь тройственное соглашеніе создавалось именно для того, чтобы ослабить положеніе Германіи въ возможной будущей войнѣ. И теперь Англіи, которая больше всѣхъ объ этомъ хлопотала, отказаться отъ достигнутаго результата и предоставить Россіи и Франціи справляться съ Германіей и Австріей собственными силами? Что же будетъ дальше? Побѣдятъ Россія и Франція, — онѣ вѣдь возьмутъ себѣ плоды побѣды. Германія ослабѣетъ, но это поведетъ не къ усиленію Англіи, а къ усиленію другихъ. И эти другіе, конечно, не будутъ благодарить Англію за то, что она оставила ихъ въ трудную минуту. Побѣдитъ Германія, — и будущее рисуетъ еще ужаснѣе. Съ Германіей, которая справилась съ Россіей и съ Франціей, уже никакая конкуренція не будетъ возможна. Ей будетъ уже послѣ этого не трудно черезъ нѣсколько лѣтъ, создавъ себѣ на взятую съ побѣжденныхъ контрибуцію новый страшный флотъ, обрушиться на Англію и раздавить ее. Словомъ, война — громадный рискъ, но невмѣшательство, — пожалуй, рискъ еще большій. До сихъ поръ

было еще одно препятствіе войнѣ—настроеніе общественнаго мнѣнія. Но Грей былъ правъ, когда предвидѣлъ, что война, разъ начавшись, выдвинетъ цѣлый рядъ новыхъ вопросовъ, которые вызовутъ въ англійскомъ обществѣ поворотъ. За нѣсколько дней, — съ 18-го по 22-ое іюля, —этотъ поворотъ, дѣйствительно, совершился. Дѣйствія Германіи поставили на карту значеніе Франціи, какъ великой державы, поставили на карту самую судьбу Бельгіи. Значеніе этихъ фактовъ для Англіи—это не то, что нападеніе Австріи на Сербію, смыслъ котораго для рядового англичанина былъ совершенно непонятенъ.

Итакъ, все говорило за то, что оставаться нейтральной Англія болѣе не можетъ, что объявить войну она должна, если не желаетъ упустить исключительную, единственную, быть можетъ, возможность свести счеты съ Германіей. Война стала неизбежной, и 22-го іюля она была объявлена...

На этомъ днѣ исторіи англо-германскихъ отношеній пока обрывается. Дальнѣйшая ихъ исторія еще пишется на поляхъ сраженій во Франціи и въ Бельгіи, на водахъ Сѣвернаго моря. О томъ, какъ сложатся эти отношенія послѣ войны, гадать, конечно, рано. Но на одинъ вопросъ, связанный со всѣмъ предыдущимъ, хочется все же хотъ намѣтить отвѣтъ: каковы возможные результаты войны для Англіи? Что война можетъ дать ей, какъ она можетъ разрѣшить тѣ вопросы, которые въ послѣдніе годы посѣяли вражду между нею и Германіей? Мы видѣли уже, что это, главнымъ образомъ, три вопроса: торгово-промышленная конкуренція, вопросъ о колоніяхъ, вопросъ о морскомъ могуществѣ. Что же требуетъ Англія съ Германіи въ случаѣ своей побѣды? Поскольку рѣчь идетъ о борьбѣ за облада-



ніе океаномъ и заокеанскими странами, дѣло рѣшается очень просто. Тутъ годятся довольно грубыя средства. Напримѣръ, выдача военного флота или его уничтоженіе. Это, конечно, только временное рѣшеніе вопроса, такъ какъ врядъ ли можно будетъ найти средства помѣшать Германіи впослѣдствіи опять взяться за постройку флота. Но нагнать Англію послѣ того урона, какимъ будетъ потеря уже существующихъ военныхъ судовъ, и послѣ экономического разоренія, какое, конечно, принесетъ война, будетъ для Германіи очень и очень трудно. Англія надолго восстановитъ свое положеніе безусловной владычицы морей. Затѣмъ колоніи. Колоніальной имперіи Германіи грозитъ, разумѣется, тоже громадная опасность. Ея владѣнія въ Китаѣ Англіи придется, вѣроятно, уступить Японіи. Вѣдь Японія ихъ уже захватила и изъ-за нихъ, главнымъ образомъ, и вмѣшалась въ войну. Африканскія колоніи могутъ быть подѣлены между Англіей и Франціей, при чемъ Англія потребуеъ себѣ, надо думать, южныя и восточныя колоніи, необходимыя Англіи для округленія ея громадной африканской имперіи, простирающейся отъ Средиземнаго моря черезъ всю Африку съ сѣвера на югъ до мыса Доброй Надежды. Какъ соперникъ въ области колоніальной политики, Германія, лишившись опорныхъ пунктовъ и флота, тоже, значить, надолго перестанетъ представлять опасность для Англіи.

Гораздо сложнѣе основной вопросъ—вопросъ о торговой конкуренціи. И въ этомъ вопросѣ насильственные средства имѣютъ свое значеніе. По окончаніи войны Англія могла бы, напримѣръ, путемъ насильственно навязанныхъ торговыхъ договоровъ съ разными странами обезпечить за собою извѣстные рынки и изгнать съ нихъ нѣмецкіе товары. Но такія

средства могли бы быть дѣйствительными далеко не вездѣ. Врядъ ли, на примѣръ, можно заставить южно-американскія республики покупать англійскіе товары, если нѣмецкіе товары предлагаются на лучшихъ условіяхъ. Нѣмецкая промышленность будетъ, конечно, разорена войной; но ее возстановить можно гораздо легче, чѣмъ, на примѣръ, флотъ. Въ общемъ, слѣдовательно, средствъ, какія дастъ война, для пораженія Германіи, какъ конкурента на поприщѣ экономическомъ, недостаточно. И это въ Англіи прекрасно понимаютъ. Поэтому на ряду съ военными дѣйствіями на сушѣ и на морѣ Англія ведетъ еще одну войну особаго рода—войну торговую. Пользуясь тѣмъ, что англійскій флотъ отрѣзалъ Германію отъ ея внѣшнихъ рынковъ, Англія усиленно направляетъ на эти рынки свои товары, чтобы за время войны приучить къ нимъ покупателя и отнять, такимъ образомъ, у Германіи вывозъ въ эти страны.

Если война принесетъ желательное для Англіи разрѣшеніе вопросовъ флотскаго и колоніальнаго, если подъ шумъ войны Англіи удастся вновь возстановить свою торговую монополію тамъ, откуда ее вытѣснила въ свое время Германія, можно будетъ смѣло сказать, что тѣ затраты деньгами, затраты матеріальныя, какія должна будетъ понести Англія въ войнѣ, окупятся сторицей. Какая часть англійскаго народа больше всего несетъ затратъ и какая будетъ получать на нихъ барыши, это—другой вопросъ. Что касается затратъ человѣческой плотью и кровью, то ихъ Англія понесетъ безусловно меньше прочихъ втянутыхъ въ войну государствъ. Впрочемъ, эти затраты,—развѣ мы можемъ вообще учесть ихъ значеніе и цѣну?..

*В. П. Волгинъ.*





- 
- |                            |                          |
|----------------------------|--------------------------|
| 17. Германія.              | 32. Воздухоплаваніе и    |
| 18. Евреи въ Россіи.       | война.                   |
| 19. Бисмаркъ.              | 33. Италія.              |
| 20. Прибалтійскій край.    | 34. Балканскія войны и   |
| 21. Россія и Германія.     | ихъ результаты.          |
| 22. Тройственный союзъ и   | 35. Бельгія.             |
| тройственное согласіе.     | 36. Сербія.              |
| 23. Россія и Франція.      | 37. Черногорія.          |
| 24. Прусскій фельдмаршалъ  | 38. Болгарія.            |
| графъ Мольтке.             | 39. Славяне. Ихъ прошлое |
| 25. Русское земство и Все- | и настоящее.             |
| россійскій Земскій Со-     | 40. Соединенные Штаты.   |
| юзъ.                       | 41. Кооперація въ Россіи |
| 26. Кавказъ и Закавказье.  | наканунъ и во время      |
| 27. Политическая жизнь     | войны.                   |
| Германіи.                  | 42. Чехія.               |
| 28. Магометъ и магоме-     | 43. Египетъ.             |
| танство.                   | 44. Константинополь.     |
| 29. Вильгельмъ II.         | 45. Франція.             |
| 30. Россія и Австрія.      | 46. Турція.              |
| 31. Война и крестьянское   | 47. Нѣмецкая культура.   |
| хозяйство.                 |                          |
-

## *„Подробная карманная карта военныхъ дѣйствій“.*

Не уступая по числу названій самымъ подробнымъ изъ имѣющихся въ продажѣ картъ, эта карта имѣетъ надъ ними то преимущество, что исполнена въ 5 красокъ, въ масштабѣ 1:2.500.000; имѣетъ отчетливый рельефъ и небольшой форматъ, который, благодаря особой системѣ складыванія, даетъ возможность пользоваться картой въ любыхъ условіяхъ.

### КАРТА СОДЕРЖИТЪ:

1. Политическую карту европейскихъ державъ.
2. Карту восточно-прусскаго театра военныхъ дѣйствій.
3. Карту галиційскаго театра военныхъ дѣйствій.
4. Карту франко-бельгійскаго театра военныхъ дѣйствій.
5. Карту сербско-австрійскаго театра военныхъ дѣйствій.
6. Карту восточной части Балканскаго полуострова и западнаго побережья Малой Азіи.
7. Карту кавказскаго театра военныхъ дѣйствій.

Цѣна 60 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО Т-ВА И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К<sup>о</sup>.

МОСКВА, ПИМЕНОВСКАЯ, С. Д.

Цѣна 40 коп.